

ВОКРУГ **СВЕТА**
9 1975
СЕНТЯБРЬ

Л. В. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук,
лауреат премии имени Неру
Фото автора

В ДЖУНГЛЯХ ДРЕВНЕГО ВАЙНАДА

ЛЮБИМАЯ КОБРА

Велла не помнил, сколько времени стоит эта роща и это дерево. Он знал только, что место это очень древнее. Испокон веков панья окрестных деревень держали здесь своих духов.

Когда панья случается менять место жительства, они забирают с собой духов предков так же, как одежду, горшок, цинковку или нож-секач. На новом месте они помещают их в близлежащий «колай-чатаи». Дух предка — необходимая принадлежность каждого панья и даже в какой-то степени мерило его социальной значимости. Но духи предков — это не единственное, чем дорожат панья. Есть еще любимые кобры. Такая кобра жила и в священной роще, куда привел меня Велла. Правда, я об этом не знала, иначе, может быть, и не пошла бы туда. От дерева предков была протоптана еле заметная тропинка, которая спускалась на дно лощины. Там, на дне, высокий кустарник с колючими ветками образовал сплошную заросль, через которую можно было только прорубиться. Место это в отличие от всей рощи было унылым и мрачным. Но Велла почему-то направился туда. Я давно заметила, что он, разгуливая со мной по священной роще, носит с собой горшочек с молоком.

Тропинка стала сырой, потом под ногами захлюпала грязь.

— Вот здесь, — сказал Велла, остановившись рядом с колючей порослью, под которой угадывалось небольшое болото.

— Что здесь? — не поняла я.

— Кобра, — ответил Велла.

— Что?! — я невольно сделала шаг назад.

— Ну да, — Велла не терял спокойствия, — здесь живет наша любимая кобра.

Смотри, — он поставил горшочек с молоком под куст. Опустился перед ним на колени и коснулся лбом земли. Потом скороговоркой что-то зашептал.

Видимо, Велла все же не был уверен в добрых чувствах любимой кобры до конца. Он предпочел отойти на безопасное расстояние. Меня не пришлось упрашивать сделать то же самое. Через некоторое время в кустах раздался шорох, и оттуда выползла черная королевская кобра. Она приподнялась, застыла на какое-то мгновение, но кашьюона раздувать не стала. Ее узкие глаза презрительно одарили меня холодным змеиным

взглядом. Мне стало не по себе, и я переступила с ноги на ногу.

— Не шевелись, — предостерегающе шепнул Велла.

Любимая кобра перестала обращать на нас внимание. Она грациозно изогнула свою змеиную шею и занялась молоком.

Когда мы выбрались со дна ложины, я бессильно опустилась на лежащий рядом со мной валун.

— Эй! — вдруг закричал Велла. — Ты же села...

— Ну да, села, — согласилась я. — На богиню Бхагавати!

Я вскочила как ужаленная. Час от часу не легче.

— Прости, Велла, — сказала я. — Я не знала, что богини валяются здесь прямо на земле.

— Да не валяются! — рассердился Велла. — Этот камень и есть наша богиня Бхагавати.

Теперь только я заметила, что валун, вросший в землю между двумя деревьями, был аккуратно обложен небольшими камнями. Рядом стоял светильник, высеченный из песчаника, а чуть поодаль был врыт вертикальный камень. Я поняла свою оплошность. Я уселась прямо на алтарь лесного храма панья. И виновата во всем была любимая кобра.

— Что же теперь делать? — расстроено и покорно спросила я.

Своим искренним раскаянием я тронула сердце жреца. Велла на минуту задумался, почесал в своих буйных кудрях и решительно сказал:

— Принесешь жертву.

Я обреченно согласилась. К моей радости, жертва свелась к кокосовому ореху. Велла ударил орехом о вертикальный камень, скорлупа лопнула, и брызнуло кокосовое молоко.

— Хорошо! — одобрительно сказал Велла.

И снова он опустился на колени, на этот раз перед камнем. Коснувшись лбом камня и громко запричитал:

— Наша богиня! Мы кланяемся тебе!

Не посылай на нас болезни! Возьми все, что мы тебе принесли!

И так несколько раз.

— Ну а теперь все в порядке, — сказал Велла, поднимаясь с колен. — Но больше не садись на богиню.

По джунглям и плантациям, по священным рощам Вайнада разбросаны лесные храмы панья. Храм — название условное. Обычно это священное дерево, у корней которого врыты камни-боги. Иногда камни ставят на платформу — возвышение, сложенное из необра-

ботанных валунов. Вот и все. Просто, доступно и удобно. И никаких затрат. Боги панья, как и само племя, отличаются скромностью и непритязательностью.

...Боги и духи. Какая граница отделяет их друг от друга? Найти эту границу очень трудно. Бог может быть духом и добрым и злым. Дух предка со временем может превратиться в бога. Между богами и духами свои сложные и нередко запутанные отношения, как и между людьми. Потому что и боги и духи были когда-то людьми, так считают панья. Для панья не составляет труда увидеть духа или поговорить с богом. И свято верить в это. На заре своей истории человек не мог отличать сон от действительности. Для того чтобы это произошло, ему пришлось учиться не одно тысячелетие. Поэтому не надо удивляться, когда панья утверждает, что он видел духа своего отца или духа своего умершего хозяина. Однажды дух умершего хозяина явился ночью к сторожу плантации Ковалану и настоятельно посоветовал ему, даже, можно сказать, велел купить плантацию и разводить кофе. Ковалан не мог послушаться прежнего хозяина. Денег у сторожа, конечно, для этого не было. Но Ковалан нашел выход из положения. Он отправился к молодому хозяину и передал ему волю покойного отца, сказав, что согласно этой воле должен передать плантацию Ковалану. Молодой хозяин немедленно нашел выход. Память об этом выходе долго давала себя знать Ковалану кровоподтеком пониже спины и болью в крестце, куда пришлось удар тяжелого ботинка молодого хозяина. Так Ковалан на собственном опыте познал тот барьер, который стоит между сновидением и действительностью. Но это личный опыт Ковалана. У племени в целом такого опыта еще нет. Поэтому бродят по джунглям неприкаянные, злые и добрые духи, живут в камнях молчаливые и разговорчивые боги, предки духов облюбовывают себе темные углы хижин, и хитрые зеленые улыбки скользят по священным деревьям в солнечные погожие дни.

СЕМЬЯ ПРОРОКОВ

Все знают, что в семье Чундана два пророка: сам Чундан и его жена Кулати. И этому никто не удивляется. Панья видели еще и не такое. Зато удивилась я, представив себе в подробностях жизнь этой семьи. Но действительность опровергла мои измышления. Выясни-

лось, что каждый из них пророчествует на стороне.

Когда я пришла в деревню, Чундан сидел около своей хижины и сосредоточенно строгал палку. У ног его в пыли ползал кудрявый, большеглазый малыш. Чундан нисколько не был похож на пророка. Молодой, с простым серьезным лицом, он, пожалуй, не отличался от любого панья или от кули. Поэтому я и спросила сразу:

— Ты пророк?

— Да, — серьезно и просто подтвердил Чундан. И вновь принялся за свою палку.

— Ну и как ты работаешь? — задала я, наверное, не очень умный вопрос.

— Как все, — спокойно ответил Чундан. — Как все пророки. Но об этом меня никто не спрашивает. Все знают, как это происходит.

— А я не знаю, — искренне призналась я.

Чундан удивленно вскинул на меня глаза и отложил палку в сторону. Я поняла, что теперь начнется серьезный разговор.

— Совсем ничего не знаешь? — переспросил Чундан.

— Совсем, — подтвердила я.

— В твоём племени нет пророков? — продолжал удивляться Чундан.

— Нет, — уныло покачала я головой.

— Ну это другое дело, — сочувственно посмотрел на меня Чундан. — Тогда слушай.

В месяц кумбам (февраль — март) на пророков бывает большой спрос. Они просто нарастают. Почему именно в кумбам, Чундан не знал. В подходящий день этого месяца в деревнях панья начинают бить барабаны. Тогда Чундан надевает браслеты с колокольчиками на ноги, набрасывает на плечи красное покрывало и берет большой нож-скакач. Таким ножом батраки на плантациях рубят ветви деревьев. Бьют барабаны, танцует Чундан, до тех пор пока в него не вселится кто-нибудь.

— А кто может вселиться? — спрашиваю я.

— Дух предка. — Чундан загибает первый палец. — Боги. В меня вселяются только три бога: Мариамма, Каринкуттан и Чатан.

— Всего-навсего три? — сочувственно спрашиваю я.

— Всего три, — подтверждает серьезно Чундан. — В некоторых вселяется и больше. А когда долго в меня никто не вселяется, я рублю себя ножом.

И тут я замечаю, что плечи и грудь Чундана покрыты шрамами. Мне становится не по себе.

— Не смотри так. — По лицу Чундана впервые скользит легкая

улыбка. — Мне не больно. Больно бывает только потом.

Кровавого ритуала требуют только боги. Духи предков менее привередливы. Для них достаточно только танца пророка и плача нескольких женщин. После этого дух предка вселяется в пророка и вещает народу его устами.

— А этот тоже будет пророком? — киваю я на большеглазого малыша.

— Конечно, — подтверждает Чундан. — Способности пророка передаются от отца к сыну. Мой отец тоже был пророком. А когда подрастет мой сын, я начну его обучать.

Будущий пророк увлеченно вошел в пыли, не подозревая об уготованной ему судьбе. Сегодня Чундан смотрел за сыном, потому что второй пророк семьи, его жена, была в данный момент занята совсем не пророческим делом. Она собирала зерна кофе на соседней плантации.

— Если хочешь ее повидать, сходи на плантацию, — сказал мне Чундан. — И приходи в нашу деревню через три дня. Я буду пророчествовать.

— От чьего имени? — поинтересовалась я.

— Да кто вселится, — вздохнул Чундан. — Я ведь никогда об этом не знаю. Старые пророки знают, а я еще не знаю.

...Плантация, где собирала кофе жена Чундана, была расположена в полутора милях от деревни.

Солнце уже высоко стояло в небе, от зелени поднимались жаркие испарения. Кусты кофе бесконечно тянулись куда-то вверх. Деревья, разбросанные по плантации, почти не давали тени. Я вышла в какую-то совершенно безлюдную часть плантации и остановилась передохнуть у дерева. Здесь царил тишина, и только откуда-то снизу изредка долетали до меня приглушенные расстоянием голоса работающих. Ветви дерева, низко опущенные, почти касались разросшихся кустов кофе, на которых гроздьями зеленели созревшие зерна. Хамелеон проскользнул между кустами, на мгновение замер и исчез где-то в корнях дерева. Ветви кустов и деревьев, переплетенные между собой, почти не пропускали солнечных лучей, и поэтому здесь царил полумрак. Вдруг раздался какой-то шорох. Я обернулась, и передо мной в зелени ветвей, органически сливаясь с ней, возникло лицо. Темное, злое. Небольшие глаза смотрели пронзительно и умно из-под вьющейся шапки волос, спадающих на узкий лоб. Я невольно отступила. Из ветвей появилась узкая темная

рука и поманила меня скрюченным сухим пальцем.

«Видение» приложило палец к толстым губам и приглашающе кивнуло злоею головой. Ничего не оставалось, как последовать за ним. У «видения» оказались быстрые босые ноги и туловище, завернутое в кусок белой ткани, как у панья. Впереди меня по тропинке шагала обычная женщина, мелко перебирая босыми ногами. Она семеняла молча, изредка поглядывая назад, как бы проверяя, иду ли я за ней. И когда она оглядывалась, ее лицо оставалось таким же, каким я увидела его первый раз. Злое. Откуда-то из-за кустов раздался стон. Женщина остановилась, сделала шаг в сторону и снова поманила меня. Я обошла куст и увидела свою знакомую. Черанги, сидящую на земле. Она раскачивалась и стонала, держась за колено. Колено распухло и посинело.

— Господи! — сказала я. — Черанги, что с тобой?

— Ой, мадама... — сквозь слезы улыбнулась Черанги. Но улыбка получилась какая-то жалкая и беспомощная.

— Молчи! — властно приказала женщина-видение. — И ты тоже молчи! — повернулась она ко мне.

Мы с Черанги замолчали. Женщина опустилась перед Черанги и завладела ее коленом. Черанги только всхлипывала временами от боли. Женщина терла колено, постукивала по нему, шептала, плевала через правое плечо, плевала через левое плечо. И даже в какой-то момент своего действия поплясала над пострадавшей Черанги. Потом снова начала тереть колено. Ладонь ее двигалась все медленней и медленней. И вдруг внезапно сжалась, как будто она что-то поймала.

— Теперь смотри, — сказала женщина-видение и раскрыла ладонь.

На светлой коже ладони лежал обыкновенный волос.

— Ты думаешь, колено твое болело от того, что ты упала? — спросила она Черанги. — Нет! — И она рассмеялась тихо и злое. — Потому что внутри ноги был этот волос. Теперь я вынула его оттуда, и ты сможешь ходить.

Черанги поднялась на ноги и, прихрамывая, сделала несколько шагов.

— И правда! — обрадованно сказала она.

— Ты Кулати? — осенило меня.

Женщина повернулась ко мне, посмотрела пронзительно и из-

учающе. Тихо, растягивая как-то слова, заговорила:

— Да. Я Кулати. Великая колдунья племени панья. Я все могу. Я могу говорить с богами и пророчествовать. Я все знаю. Я знала, что ты ищешь меня, и вышла тебе навстречу. Я могу лечить болезни. Любую болезнь я высосу из человека и сплуну. И больше он не будет болеть. Только я могу это делать.

Я слушала Кулати и верила в то, что только она может «сплунуть» болезнь. Ни один из наших врачей «сплунуть» болезнь не может. Им, видно, не хватает для этого Кулатинового образования, образования великой колдуньи и великой... актрисы. Ибо спектакль, который она поставила, чтобы продемонстрировать мне свое искусство, отличался незаурядным актерским и даже, я бы сказала, режиссерским мастерством.

...Чундан в отличие от Кулати был лишен этого вдохновенного актерского таланта. Он работал тяжело и старательно. В нем не было ни озерений художника, ни взлетов одаренности.

Через три дня в деревне Чундана забили барабаны и резко призвонно запела флейта. Чундан, с серьезным и простодушным лицом, в сопровождении жителей деревни прошествовал к музыкантам и остановился перед ними. Он был обнажен, и только бедра охватывал кусок красной ткани. На темном его теле отчетливо проступали шрамы. Заслуженные шрамы пророка. В правой руке Чундан держал нож-секач, в левой — тростниковую палку. В какой-то момент с ним что-то произошло. Глаза Чундана померкли и стали смотреть куда-то внутрь. Быстрее забили барабаны, громче запела флейта. По телу пророка прошла судорога и остановилась где-то на животе, отчего живот стал двигаться и сокращаться как-то сам по себе, вне зависимости от остального тела. На лице выступили крупные капли пота, а в глазах появилось бессмысленное выражение, которое нередко бывает у пьяных. Потом, под неумолкающий грохот барабанов, Чундан сорвался с места и закружился в каком-то неистовом танце, наклоняясь чуть вперед и странно отбрасывая назад ноги. Нож-секач и палка вращались в воздухе, и казалось, что они вот-вот вырвутся. Внезапно Чундан остановился, как будто его задержала какая-то сила. Вместо глаз на потном лице голубели белки. Пророк что-то выкрикнул и резко взмахнул ножом-секачом.

— Ех! — как единый вздох, вырвалось у толпы. Я ушла. Пото-

му что поняла, что это зрелище не для моих нервов.

Когда я вновь вернулась, Чундана уже не было, а вокруг музыкантов танцевали женщины. Они двигались слаженно и однообразно. Так же, как Чундан, наклонились всем телом вперед, попеременно выбрасывая ноги назад. Трава, там, где стоял Чундан, была забрызгана кровью. Плата пророка за разговор с упрямыми богами...

ОГОНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ОБЖИГАЕТ

Говорят, такого огня нет. А я видела и утверждаю, что есть. Я ничего не могу объяснить. Мне, пожалуй, не хватает для этого знаний. Я знала, что на Малабаре, и особенно в Вайнаде, во время храмовых праздников и важных церемоний есть ритуал «хождения по огню». Мне говорили, что люди босиком идут по раскаленным углям и не обжигаются. Я не очень верила этим рассказам...

Ранним январским утром в Чингери появился Каяма. Мне передали, что Каяма ищет меня. Утро было прохладное, даже холодное по этим широтам. И поэтому Каяма был завернут до подбородка в шерстяную тряпку, бывшую когда-то одеялом.

Зябко кутаясь, он стал мне что-то объяснять о панья из Кадаламада. Я никак не могла понять, зачем ему понадобилось делать это с раннего утра и почему он напустил на себя такую таинственность.

Каяма на что-то намекал, чего-то недоговаривал. А я не столь хорошо знала панья, чтобы понять эти намеки.

— Слушай, Каяма, — сказала я, — говори яснее.

Каяма подумал и сообщил:

— Сегодня ночь новой луны.

— Ну и что? — спросила я.

— Как что? — удивился Каяма. — Разве ты не понимаешь?

— Все еще нет, — призналась я.

Каяма задумчиво и сочувственно посмотрел на меня и почему-то снова перешел на шепот:

— Сегодня панья будут ходить по огню.

— Как по огню? — оторопела я. — И зачем по огню?

— Зачем, зачем! — передразнил меня Каяма. — Значит, надо. Лучше тебе все это посмотреть.

И то правда, лучше мне все это посмотреть.

— А где панья будут ходить по огню? — поинтересовалась я.

— Там. — И Каяма махнул ру-

кой куда-то в сторону, противоположную от «Спящей богини».

Указание Каяма было невероятно точным. Там — и все. А дальше сама как знаешь. Но оказалось, что другие знали, где находится это «там». Путь «туда» был извилист и долог. Он шел через горы и джунгли, через проселочные дороги. И поэтому, если меня спросят теперь, где все происходило, я, как и Каяма, махну рукой и скажу — там. Я только знаю, что неподалеку от этого священного леса находится деревня панья Кадаламад.

Мы добрались до этого священного леса к трем часам ночи. Я думала, что безнадежно опоздала. Но там только все начиналось. Панья не спешили. Впереди у них была долгая холодная ночь. Над священным лесом стояло звездное небо. Меж деревьев мелькали факелы. Это подходили все новые группы панья. Их было много, так же как и в ночь богини Мариаммы. Они располагались тут же, в лесу, семьями и целыми родами. Разжигали костры и, зябко поживаясь, грелись у них. Через какое-то время лес оказался полон кострами и бродячими огоньками факелов. Огонь освещал темные лица, спутанные, всклокоченные волосы, куски ткани, в которые были завернуты маленькие фигурки панья. Люди жались к огню, который плохо их грел в это холодное январское новолуние. Пронзительный ветер шумел в деревьях. Место было, видимо, довольно высоким и незащищенным. И здесь, в этом священном лесу, скрытые от чужих глаз ночью и джунглями, панья вновь готовили какое-то древнее таинство. Оно называлось «хождение по огню».

И в этой ночи глухо и тревожно забили барабаны.

А жрец Канакака направился к бамбуковой хижине, которую соорудили тут же в джунглях по этому случаю. Семь дней подряд Канакака совершал омовение дважды в день, сидел на вегетарианской диете, не подпуская к себе женщин и не виделся с собственной женой.

Около хижины на длинных шестах висели черно-красные флаги-хоругви. С такими флагами панья шли в ту памятную ночь на поклонение богине Мариамме. Бамбуковая хижина, превращенная в своеобразный храм, повторяла убранство святилища богини в Калпетте. Здесь, в джунглях, панья подражали городу, стараясь воспроизвести сложный индуистский ритуал. В хижине было все, что необходимо для этого. Медный светильник, бронзовая фигурка богини,

меч с изогнутым полумесяцем на конце, колокольчики, цветы на банановых листьях, кокосовые орехи, цветная пудра для индусской пуджи и наконец веревочный хлыст. Этим хлыстом Канакака будет себя стегать, если богиня заупрямится и не захочет в него вселяться. Пришли несколько панья с факелами и принесли богине рис и бананы. Канакака, облаченный в красную одежду пророка, колдовал над всеми этими предметами в хижине-святилище. Он переставлял бронзовую фигурку, перекладывал цветы, каким-то только ему известным движением касался меча, звонил в колокольчик, бормотал над кокосовым орехом. Короче говоря, занимался не своим делом, отбивая хлеб у брамина-жреца. Панья стояли в почтительном отдалении, с восхищением наблюдая за Канакакой, который, по их мнению, работал не хуже любого брамина.

Пока били барабаны и Канакака демонстрировал свое жреческое искусство, панья во главе с Каяма вырыли неглубокую прямоугольную яму и загрузили ее расщепленными стволами хлебного дерева. Канакака в сопровождении двух юношей появился у ямы. Разбил над ней кокосовый орех и положил в половинки скорлупы ароматическую смолу. Поплыл резко пахнущий дымок благовоний, и Канакака вдыхал его, сидя на корточках у ямы. А два его помощника, обнаженные, в набедренных повязках, согнулись над бамбуковыми палочками, добывая огонь, как делали их предки тысячи лет тому назад.

«Вжик-вжик» — пел бамбук, пророк вдыхал магический дым, шумел ветер в деревьях, темнокожие люди сидели у костров, и на темном ночном небе стили далекие звезды. И в который раз я пыталась определить, где я и в каком времени. И каждый раз мне это не удавалось.

Вспыхнул огонь, загорелись ветви хлебного дерева, и пламя медленно, как бы нехотя поползло по яме. Истерически вскрикнула флейта, громко и угрожающе забили барабаны. И маленькие женщины-панья, завернутые в куски светлой ткани, начали над этим огнем свой бесконечный танец. Танец был такой же древний, как земля Вайнада, как эти джунгли и далекие звезды. Женщины двигались бесшумно, как вереница призраков на ночной поляне. То наклоняя тела к огню, то откидываясь от него, они вращались легко и свободно. Их пятки буравили землю, разминая траву, покрытую холодной и обильной росой. Языки пламени поднимались все выше и выше. Жар багровыми отблесками пля-

Панья утратили некоторые свои обычаи: свадьбы, например, устраивают по индуистскому обряду. И если в обычные дни панья ходят почти обнаженными, то на свадьбу надевают обычную индийскую одежду.

сал на темных лицах, на взлохмаченных кудрях волос. И было в этом танце что-то сродни этому изначальному пламени, его бесшумным ярким порывам, его изощренности и неожиданности. И вереница танцующих была похожа на древних жриц, заклинающих этот загадочный огонь. Покорно повторяя его движения, жрицы безмолвно уговаривали на что-то огонь, просили о чем-то это бу-

шующее пламя. Бремя от времени они, как птицы, взмахивали руками, но оставались на земле, не сумев превозмочь какой-то силы, которая удерживала их здесь, у огня. И тогда они кричали странно и угрожающе, как будто виновник их бессилия был где-то совсем рядом. Этим крикам вторила тревожная дробь барабанов и захлебывающаяся, вызывающе резкая песня флейты.

Все чаще кричали танцующие, быстрее били темные руки в барабаны, выше и выше забиралась мелодия флейты, пока на каком-то крутом подъеме не задохнулась и не оборвалась. И языки пламени, вторя этим звукам, сникли и, укрошенные, поползли по обугленным стволам, зябко прижимаясь к жару раскаленных углей. И когда последний язык пламени, заклтый и обессиленный темными жрицами, исчез, чтобы погибнуть в мертвенной синеве угасания, вереница танцующих распалась, и раздался гортанный торжествующий крик. Крик, как ночная птица, взмыл к звездному небу и отозвался крупной дрожью в теле пророка. И так же дрожал меч в его руке. Замолкнувшие было барабаны вновь загрели, повторяя ритм дрожи тела Канакаки. Потом его сотрясла конвульсия, и пророк упал на холодную и сырую траву и стал извиваться на ней и корчиться, как будто от острой и непереносимой боли. Губы его были сомкнуты, глаза закрыты, и только темная рука продолжала судорожно сжимать рукоятку меча. Несколько панья подняли пророка, но он снова упал. Его опять подняли, стараясь утвердить на неверных ногах. Наконец пророк обрел равновесие. Постоял какое-то мгновение на месте. А потом, шатаясь как пьяный, стал размахивать мечом и направился к яме, наполненной углями, пышущими жаром: Он остановился у края раскаленной ямы и вдруг неожиданно повернулся и странными прыжками устремился куда-то в сторону, убегая, казалось, от ужаса этой уготованной ему огненной пытки. Раздался леденящий душу крик. Казалось, в этом крике пророк вытолкнул из себя все, что было в нем человеческого. Теперь к яме возвращался, приплясывая и прыгая, какой-то автомат с пустыми остановившимися глазами. И под неумолчный грохот барабанов он зашагал по горящим углям. И вдавливал эти горящие угли босыми ногами в землю. Я не верила своим глазам, что так можно. Жар, исходивший от ямы, был настолько сильным, что у края ее было трудно стоять. Углей хватило бы на то, чтобы изжарить целого быка. Как остались необожженными босые ступни пророка, который медленно, как будто по траве, разгуливал по этой горячей массе, мне было непонятно. Канакака проделал эту процедуру несколько раз. И каждый раз, танцуя на углях, он выкрикивал что-то, размахивал мечом и звенел колокольчиком. Я подумала, что все это можно объяснить состоянием транса, в котором находился Кана-

кака. И как бы в ответ на мои мысли пророк закричал:

— Идите по горящим углям! Не бойтесь! Идите!

Молчаливая толпа стоявших вокруг панья распалась и вытянулась в вереницу. Теперь пророк сидел на краю ямы и протягивал руки к людям. Панья один за другим подходили к нему, касались этих рук и... спокойно шли босиком по раскаленным углям. Никто из них не торопился. Шли все: мужчины, женщины, дети. На их босых ступнях тоже не было ожогов. Никто из них, кроме пророка, не впадал в транс. Никто не вдыхал дурманящий дым благовоний. И тем не менее это все, что я

Почему-то сразу зазнобило в затылке. Я понимала, что не смогу этого сделать. Мне чего-то не хватало, что сохранилось еще в этих людях. Мой мир был иным.

— Нет, — сказала я твердо. — Я не могу. Мне еще много надо ходить. Если я обожгусь, что тогда?

— Иэх! — вздохнул Каяма. — Я думал, что ты совсем как панья, а ты...

— А я не совсем панья, — закончила я за него.

С той ночи между мной и Каяма стал какой-то невидимый барьер. И преодолеть его я не смогла. Ибо барьер проходил по раскаленным

на меня совершенно осмысленно.

— Можешь еще раз пойти по огню? — спросила я его.

— Нет, — покачал головой пророк. — Теперь моя сила кончилась. Богиня покинула мое тело. Я сейчас такой же, как и ты.

И Канакака зябко завернулся в шерстяную рваную тряпку.

Я вышла из хижины. Панья сидели у догорающих углей, где-то одиноко бил барабан. На небе стояло странно светящееся лиловое облако. Оно было неподвижным, и в центре сияла маленькая яркая луна. На какое-то мгновение мне стало не по себе. А потом я поняла. Со станции космических исследований на мысе Тумба запу-

могу сказать. Я стояла, наблюдая непостижимое для меня зрелище. Кто-то осторожным движением коснулся моей руки. Это был Каяма.

— Теперь ты иди, — сказал он.

— Но, Каяма...

— Иди, иди, не бойся.

углям в глубине джунглей древнего Вайнада.

Канакака еще раз прошелся по углям. Потом направился в хижину-святилище. Там он сел на пол, опустил меч и устало закрыл глаза.

— Канакака! — позвала я его. Он поднял голову и посмотрел

стали очередную метеорологическую ракету. В небе была ракета, а внизу древнее племя ходило по огню. Ракета мне была близка, и я могла в ней все понять. А то, что я сегодня видела здесь, внизу, было отделено от меня тысячами. И объяснить этого я не могла...

ВОКРУГ СВЕТА

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1975

СОДЕРЖАНИЕ

В. КУЗНЕЦОВ — Атлас мальчика Чи	2-я стр. обл.
М. ВОЛЬПЕРТ — Тяжелый маршрут	2
Ф. ШТИЛЬМАРК — Судьба тайги	4
Загадки, проекты, открытия	9, 45, 55
НАДИР САФИЕВ — Острова уходят в плавание	10
В. ХАЙНОВСКИЙ, Г. ШОЙМАН — За колючей проволокой	18
ЮРИЙ ГАЛЬПЕРИН — В небе Франции	22
ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ — Зеленый поезд	27
Л. ОЛЬГИН — К возвращению Афо-а-Кома	32
В. ПАНТЕЛЕЕВ — Десанты первого броска	36
Via est vita — Дорога — это жизнь	
ВИКТОР СЫТИН — Тропа Кулика	39
В. КОНСТАНТИНОВ — Солнце на земле	46
С. ВЛАСОВ — Ночь перед рождеством	49
ХАНС ЛИДМАН — Звезда Лапландии	50
Кают-компания «Вокруг света»	
ВЛАДИМИР СТЕЦЕНКО — Дорога к мысу Горн	56
Л. В. ШАПОШНИКОВА — В джунглях древнего Вайнада	62
Б. ЛЫКОШИН — Спасение у Булуна	68
Е. ВАСИЛЬЕВА, И. ХАЛИФМАН — В фетровом доме банановых островов	72
ЛОРД ДАНСЕНИ — Средство доктора Кейбера	76
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Когда вернется викунья?	80

На первой странице обложки: **ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ.**

Вьетнамские матери берут с собой малышей повсюду: на рисовое поле, на базар, на праздник в соседнее селение. Этот малыш родился еще в грозные годы войны. Когда мать уходила патрулировать с отрядом самообороны, он был с ней. А сейчас над страной — мирное небо. И у вьетнамских матерей и детей — мирная жизнь, мирные заботы.

(Материалы к 30-летию ДРВ читайте на 2-й стр. обл.)

В номере использованы фотографии из журналов: «Нэйшнл джиджорэфик» (США), «Обсервер» (Великобритания).

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21. Телефон для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 4/VII 1975 г. Подп. к печ. 12/VIII 1975 г. А01388. Формат 84×108/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.

Тираж 2 500 000 экз. Зак. 1152. Цена 60 коп. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

КОГДА ВЕРНЕТСЯ ВИКУНЬЯ?

Все знают работягу ламу, этого верблюда Южной Америки. Сестра ее — альпака — дает великолепную шерсть. Обе стали домашними животными давным-давно. Зато их родственницу викунью сегодня редко где увидишь. А дело все в ее шерсти — тонкой, мягкой, пушистой — такой, что равной ей нет в мире.

Когда-то сотни тысяч этих животных безмятежно паслись на заоблачных пастбищах Анд, у границы вечных снегов.

Древние инки так высоко ценили шерсть викуньи, что сотканную из нее одежду имели право носить лишь особы царской крови. Любый другой карался за это смертью. Охота на викуний, которую устраивали инки, представляла собой зрелище грандиозное, но бескровное. Тысячи животных загоняли за каменные стены громадных коралей, там их стригли, а потом отпускали целыми и невредимыми.

Истребление викуний началось с приходом конкистадоров: их били из мушкетов, загоняли на лошадах, с собаками к краю глубоких пропастей, отравляли воду в водопоях. Алчность и жестокость, с которой пришельцы стремились обрести драгоценный невесомый пух, можно сравнить разве что с их жадой золота.

Но это было только начало.

Больше четырех столетий — до самого последнего времени — продолжалось уничтожение, пока не стало ясно: викунии могут исчезнуть навсегда. Потому что на бескрайних просторах андских высокогорий осталось их всего тысяч пятнадцать.

Охоту на викунью запретили. Места ее обитания объявили заповедниками. В научных центрах изучают сейчас возможности ее разведения на специальных фермах. Маленькая викунья, которую вы видите на 3-й странице обложки, родилась как раз на такой ферме. И может быть, со временем стада викуний вновь вернутся на свои заоблачные луга...